

Кирилл
КАЗАНЦЕВ

ОБОРОТНИ В ЗАКОНЕ

СУДИТЬ БУДУ САМ

Оборотни в законе

Кирилл Казанцев

Судить буду сам

«ЭКСМО»

Казанцев К.

Судить буду сам / К. Казанцев — «Эксмо», — (Оборотни в законе)

В Меднореченске и его окрестностях совершенно распоясалась компания «мажоров» – сынков высокопоставленных и богатых родителей. Вконец ошалев от вседозволенности, они повадились устраивать жестокие развлечения – убивать прохожих, насиловать девушек, сбивать на своих дорогах автомобилях пешеходов, устраивать ДТП... И всегда они с легкостью уходят от наказания. Уж очень влиятельных знакомых имеют их папаши. Но чаша терпения у народа все же переполнилась. Дочь Федора Романцева, истерзанная «золотой шпаной», умирает в больнице. Устав ждать правосудия и справедливости от властей, Федор берет в руки оружие и начинает вершить свое правосудие..

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Кирилл Казанцев

Судить буду сам

Пролог

К пригородной АЗС с новомодной плоской крышей на колоннах и автоматически открывающимися дверями операторского зала подкатили три навороченные иномарки, разом заглушив все звуки буханьем «музона», рвущегося из открытых окон первой машины. Было заметно, что это одна компания – вышедшие из машин рослые парни непринужденно общались, громко гогоча и с превосходством поглядывая на тех, кто волей случая оказался рядом.

К остановившемуся у крайней бензозаправочной колонки черному «БМВ» с тремя шестерками в номере тут же подбежал пожилой носатый заправщик в синем комбинезоне, фирменной кепке и солнечных очках, закрывающих половину лица. Для своих лет мужчина действовал очень ловко, при этом постоянно пригибаясь и отвешивая поклоны, как китайский болванчик. И было непонятно, то ли мужик прикалывается над богатенькими молокососами, то ли от страха потерять работу у него слегка повело крышу. Он буквально с нежностью открыл крышку бензобака и вставил в горловину заправочный пистолет.

Тем временем трое из прибывших отправились оплачивать горючее. Войдя в кассовый зал, одновременно служащий магазином, реализующим и продовольственные товары, и средства ухода за техникой, и даже резиновые изделия для интимно-озабоченной части проезжающих, они подошли к кассе, нагло воззрившись на молодую симпатичную кассиршу.

– Смотри-ка, новенькая... – заметил один из троицы – смуглый, с гордой посадкой головы, позаимствованной у отца народов. – И на фейс ничего, и фигурка модельная.

– Сорок литров девяносто пятого, третья колонка, – ухмыльнулся, разглядывая девушку, мордастый качок в черной майке с изображением на ней какой-то омерзительной оскаленной рожи. – Теперь, чего еще? Пару банок вон того хлебало, три упаковки вон того жевало. О-о-о! Презервативы тут тоже есть? Упаковку с запахом клубники. А они точно пахнут клубникой? – Сальным взглядом упершись в обтянутую блузкой высокую грудь, он похотливо причмокнул.

– Не знаю... – сухо ответила кассирша, глядя мимо него.

– Непоря-а-а-док! – глумливо протянул мордастый. – Свой товар надо знать и проверять на себе лично. Что, может, прямо сейчас проверим? А то куплю, а они без запаха... Чё так смотришь? Я же тебя не в загс зову. Просто небольшой «тест-драйв» презервативов...

– У вас все? Тысяча двести восемьдесят пять рублей, – игнорируя притязания мордастого, решительно отрезала та.

– Ну, чего ломаешься-то? – уже с раздражением под гогот приятелей прогундосил качок и бросил на прилавок пятитысячную купюру. – Вот, сдачи не надо. Тут есть кому подменить тебя на полчаса?

Сверкнув глазами, девушка поставила на прилавок пакет с покупками, отсчитала сдачу и демонстративно положила ее перед наглецом.

– Пересчитайте!

– Чего? Она еще тут из себя девочку корчить будет... – начал было гнуть пальцы мордастый, но тут сзади прозвучал чей-то недовольный басовитый рык:

– Ну, ты долго там еще будешь свои гондоны пересчитывать?

Уже накопившаяся очередь дружно грохнула на разные голоса.

Мордастый обернулся с гримасой ярости на лице... но при виде двухметрового ломовика необъятной ширины, с ручищами, больше напоминающими гидравлические манипуля-

торы многотонного погрузчика, и взглядом разозленного быка-симментала он сразу же осекся и, комком смяв купюры сдачи, поспешил покинуть кассовый зал.

...Угодливый заправщик, шагнувший было к следующей тачке, принадлежавшей «золотой молодежи», в какой-то миг, словно чего-то испугавшись, тенью исчез за заправляющейся неподалеку «Газелью». Тут же, что-то ворча и оглядываясь, со стороны операторского зала торопливо подошел долговязый парень в синем комбинезоне заправщика и фирменном кепи. Без намека на пиетет к кому бы то ни было, кляня какого-то кретина, он сноровисто открыл горловины топливных баков черного «БМВ» и темно-синего «Форда Мондео». Наблюдая за ним, стоявшие у этих машин четверо парней – двое русских и двое, судя по всему, кавказцев, удивленно переглянулись.

– Слышь, ты, лошара мазутная! – высокомерно изрек лощеный тип с умопомрачительно дорогим «Ролексом» на руке. – Осторожнее! Это тебе не какая-нибудь «жига» сраная. И вообще, что у вас за сервис такой говенный?

– Какие клиенты, такой для них и сервис... – вставляя пистолет в горловину «Форда» и даже не удостоив его взглядом, буркнул заправщик.

– Чего?! – насупились все четверо, угрожающе направляясь в его сторону.

Но тот, не обращая на них внимания, все так же ловко открыл бензобак соседнего «Вольво» – престижнейшей модели с непроницаемо-темными стеклами, подле которого стоял крепкий с виду молодой мужчина в дорогом костюме, с темными усами и короткой бородкой, обрамляющей лицо «а-ля Шон Коннери».

– Что случилось? Почему так долго обслуживаете? – строго поинтересовался он.

– Прошу прощения, да я и сам не понял, что случилось, – парень пожал плечами. – Представляете, забежал в туалет, а меня там кто-то запер. Пришлось дверь выламывать...

– Это бывает, – уже вполне миролюбиво усмехнулся тот, собираясь сесть в машину.

– Э, ну ты куда, лошара?! – направляясь к заправщику, крикнул один из обиженных клиентов. – А ну, стоять, козел дешевый!

Хозяин «Вольво», покосившись в их сторону, несколько удивленно поинтересовался:

– Что вы себе позволяете, молодые люди?

– Да пошел ты, чмошник! – презрительно скривившись, огрызнулся один из кавказцев.

Заглянув в салон своего авто, мужчина что-то негромко сказал, и тут же, резко распахнув задние дверцы, из «Вольво» вынырнули два рослых типа с короткой стрижкой и мощными, накачанными шеями. Левую подмышку их костюмов распирало что-то увесистое, внушающее невольное уважение к этим ребяташкам. Это походило на то, как если бы в лагуну, где надумали задавать тон несколько наглых клыкастых акулешек, заплыли две огромные касатки, способные в один присест скушать этих акул, даже не поперхнувшись. Мужчина испытующе смотрел на наглецов, в момент растерявших свой кураж.

Те попятились было назад, однако их остановил негромкий, но жестко заданный вопрос:

– А вы больше ничего сказать не хотите?

Скисшая четверка уныло переглянулась.

– Просим простить нас за этот некрасивый с нашей стороны инцидент, – откашлявшись, заговорил наконец «лощенный». – Наш друг очень сожалеет о случившемся.

– Да, – с готовностью закивал обозвавший незнакомца «чмошником», – я прошу меня простить. Беру свои слова обратно!

– Хорошо, принято, – мужчина снисходительно кивнул. – Только вот что я вам, парни, скажу... Не забывайте восточную мудрость: язык мой – враг мой. И вообще, у меня такое впечатление, что вы сами, сознательно, ищите пути к тому, как укоротить свое земное бытие. А зря...

Чуть слышно цокнула дверца шведского «дворца на колесах», и «Вольво», издав мягкий негромкий гул, умчался с автозаправки. Рассевшись по своим машинам, отправились в путь и

семеро «крутяков». Летя по трассе, они общались меж собой по переговорным радиоустройствам, имевшимся на ухе у каждого.

– Джентльмены, впереди замечен быдлоид на «жиге», – огласил «лощенный», сидевший рядом с хозяином «Лексуса», мчавшегося впереди этой компании. – Есть предложение сделать ставки.

– На что? – откликнулся хозяин «Форда», ехавший следом.

– Ставлю штуку баксов на то, что если отправим его в кювет, он будет в морге.

– А-а-а... Ну, я тогда сегодня буду гуманистом, – глумливо хохотнул хозяин «Форда». – Будет в гипсе – ставка та же.

– Сгорит! – объявил мордастый, сидевший за рулем «БМВ», идущего в хвосте. – Ставка – три штуки.

Тут же свои ставки сделали и остальные. При этом за немедленную гибель ехавших в «Жигулях» высказались четверо, а трое за то, что ничего не подозревавшие в этот момент люди станут калеками.

– Джентльмены, ставки сделаны! – объявил «лощенный». – Идем на сближение!

Резко прибавив ходу, «трио» иномарок, идущих строго одна за другой, скоро настигло старенькую «пятерку», в которой ехали двое пожилых людей, скорее всего, супружеская чета. Идя параллельно «Жигулям», иномарки сравнивали с обреченной машиной скорость.

– Джентльмены, готовность номер один – начинаю обратный отсчет! – объявил «лощенный». – Три! Два! Один! Ноль!..

Неожиданно раздавшийся сзади грохот заставил ехавших в «Лексусе» и «Форде» недоуменно оглянуться. Увиденное напоминало знакомые кадры из фильма, но от осознания того, что все происходит наяву, холодок пробирал по спине. На месте «бэхи», по совершенно непонятной причине вспученной мощным взрывом, образовался огромный огненный шар. Продолжая по инерции мчаться по дороге, клубок огня вильнул к обочине и покатился вниз, оставляя дымный след и обрывки пламени по всему пути падения...

Глава 1

Послеобеденной порой возле утопающего в зелени цветущих яблонь, пышно разросшихся в палисаднике дома Романцовых, появилась небольшая делегация – человек примерно из восьми. Услышав появление чужаков, во дворе истошно зашелся лаем кудлатый черный, как сажа, «дворник» Атас, прыгающий на длинной цепи у своей будки невдалеке от ворот. Возглавлявший делегацию рослый мужчина средних лет с ярким большим пакетом в руке с расстановкой, почти торжественно постучал в калитку. Хозяева дома, по случаю визита гостей принаряженного и прибранного, как видно, их ждали и вышли к калитке, сияя счастливыми улыбками.

Ответив на приветствие, хозяин дома, плотный коренастый крепыш лет пятидесяти, сдерживая улыбку, с наигранным недоумением поинтересовался у гостей:

– С чем пожаловали, люди добрые? Мы вроде и не ждали никого... А тут – ты глянь-ка, какие знатные гости пожаловали!

– Да и мы никого беспокоить не собирались... – соблюдая отзвуки старых традиций и ритуалов, тоже с трудом удерживая себя от того, чтобы не расплыться в улыбке, с некоторым даже недоумением развел руками глава делегации. – А вот шли по улице, глянули – ну, дом-то какой стоит красивый! Вот и надумали – а не зайти ли, не провести ли хозяев? Люди-то не иначе тут живут хорошие, приветливые... Авось, не откажут подать воды напиться?

– Ну, добрым гостям мы всегда рады! – Хозяин дома наконец-то позволил себе улыбнуться. – Проходите, гости дорогие, милости просим! Что уж там воду хлебать? У нас для добрых людей найдется кое-что и повкуснее, и покрепче.

– Благодарствуем, хозяева! И мы не с пустыми руками. День-то сегодня какой хороший выдался... К добру – не иначе! – проходя во двор, заметил один из гостей.

Среди пришедших с ним были две чем-то очень похожие меж собой женщины, судя по всему – сестры, статный парень послеармейского возраста, две женщины пенсионных лет, худой дедок в кепке, с седой бородкой, при палочке и орденах на пиджаке.

Поднявшись на крыльцо, гости прошли в дом, где уже был накрыт стол, а в воздухе витали все мыслимые ароматы праздника. Со стороны хозяев присутствовало около десятка человек – членов семьи и пришедших на торжество ближайших родственников. Поговорив, как и полагается, о погоде, чрезвычайно знойном лете и урожае, хозяева и гости наконец расселись за столом. При этом парень оказался напротив дочери хозяев – круглолицей, с несколько полной фигурой, но, вместе с тем, пригожей и обаятельной девушкой.

Молодые, едва сдерживая смех, обменялись взглядами, в которых читалось: «И что они чуют, эти предки? Мы ведь давно уже все решили сами. Да ладно уж, пусть потешатся, раз так положено!...»

Тем временем и хозяева, и гости, опрокинув по первой рюмке за благополучие этого дома, а следом и по второй – за здоровье гостей, заговорили о главном.

– Ну, что, хозяева, – глава гостей торжественно поднялся за столом, – видим мы, что люди вы и впрямь приветливые, во всем достойные... А еще видим, что у вас дочка-красавица выросла – и скромная, и умница. А у нас тут как раз сын, Виктор, в женихи вышел. Вот и подумали мы: а отдадите ли вы свою Веру за нашего Витьку? Как говорили встарь: у вас – товар, у нас – купец, у вас – красна девица, у нас – молодец... Что скажешь, Федор Алексеевич?

– Ну что тут сказать, Андрей Иванович? – хозяин дома, сидевший напротив, тоже поднялся. – Виктор ваш хлопец хороший... Как говорится, и руки на месте, и с «головой дружит», и старших уважает, и плохого о нем ничего не скажешь... За такого не грех дочку замуж отдать. Только вот, она сама-то что думает? – отец с добродушной строгостью посмотрел на дочь.

Та, вновь обменявшись взглядом с Виктором, утвердительно кивнула.

– Согласна... – со скромным лукавством негромко сказала Вера.

– А ты что скажешь? – Андрей Иванович посмотрел на сына. – Пока шли сватать, не передумал? А то у вас, нынешних молодых, все быстро решается. То – сошлись, то – разошлись... Ну?

– Не передумал и не передумаю... – не отрывая взгляда от девушки, твердо объявил Виктор.

– Ну, раз и родители согласны, и молодые не против, то будем считать помолвку объявленной, – поднялась мать жениха. – Тогда давайте, наши будущие сватья, обговорим все, что положено о свадьбе, пока и голова к полу не клонится, и язык не заплетается...

Сидевшие через улицу у своей калитки напротив дома Романцовых две бабуськи живо обсуждали происходящее у соседей. О том, что намечается сватовство, стало известно еще вчера, когда Романцовы «наводили марш», приводя и без того прибранное подворье в образцовое состояние. А как же иначе? Придут люди сватать дочку; что скажут, увидев во дворе и в доме беспорядок?

Соседка Романцовых, на глазах которой нынешние хозяева этого дома – Федор с Людмилой – и поженились, и детей родили и вырастили, рассказывала о них своей старой знакомой, пришедшей за новостями с другого конца улицы, только хорошее. По ее словам, у Романцовых только старшая Нинка, уже давно вышедшая замуж куда-то на Дальний Восток, была чересчур бойкой на язык. А вот младшие – что Инка, тоже год назад вышедшая замуж в Подмоскovie, что Верка, – девчонки хорошие.

– Уж не знаю, как они с Витькой-то уживутся? – с сомнением вздохнула собеседница соседки. – Верка-то она тихоня, а Витька, говорят, парень буйный. До армии тут, рассказывают, чуть не каждый день дрался. Да и выпить был не дурак. Сейчас, вроде бы, притих. А дальше – кто его знает? Запьет и будет ее колотить.

– Ну, Верка хоть и тихоня, а за себя постоять может, – бабулька многозначительно покачала головой. – Вся в отца пошла – Федька-то, он из каких-то казаков... Как-то, было дело, вечером на него напали. Они с Люськой шли из гостей, уже поздненько, а эти трое – на них. Тюремники, что ль, какие-то? Один, говорят, был с ножом. Так Федька один их троих в тесто замесил. И Верка на руку не слаба. Тоже – это сама видела – одного посреди улицы, он к ней приставать надумал, так по морде приложила, что он от нее сразу отвязался.

Старухи заговорили о приданом, какое дадут за дочкой Романцовы, стали гадать, где будут жить молодожены, сколько машин выстроится в их свадебном кортеже, и пришли к общему мнению, что хоть обе семьи и не из миллионеров, однако и не голь перекатная, а значит, свадьба будет большая. Когда пару часов спустя из окон дома Романцовых раздалось душевное, залиvistое: «Вон кто-то с го-о-роч-ки-и-и спустился-а-а-а!», собеседницы единодушно констатировали: ну вот, уже и спелись...

Поговорив о том о сем, они отправились к хозяйке дома почаявничать, сидя у окна, понаблюдать за тем, что на улице происходит – вдруг какая-нибудь оказия приключится? Вон, у Сверчковых на соседней улице было дело. Пришли к ним свататься одни, а тут – уже и другие на подходе. То-то была потеха на весь околоток! Сверчковы-то люди небедные, имеют аж три магазина. Кто не захочет сосватать их единственную дочку? Вот и прискакали сразу два жениха со своей родней. Чуть до драки не дошло...

...Отсидев положенное за столом, уже «узаконенные» жених и невеста решили выйти на улицу, чтобы немного остыть от постепенно разогревшейся атмосферы дома, уже основательно пропитавшейся буйным гуляночным духом. Виктор и Вера сели у калитки и, прижавшись друг к другу плечом, заговорили о том, что всего через три недели – заявление они подали, не дожидаясь помолвки, – станут законными мужем и женой.

– ...Только, Вить, запомни, – Вера помахала указательным пальцем перед его носом, – обижать меня не смей! А то слышала я про вашего брата: как до свадьбы – на руках носит, как поженились – в упор не видит.

– Вер, ну ты что? – Виктор укоризненно вздохнул. – Сколько раз уже тебе говорил: обижать не буду.

– А защищать меня будешь? – улыбнулась Вера, искоса, с некоторым даже вызовом глядя на него.

– Само собой! – Виктор повел плечами. – Иначе грош мне цена в... О! А это что за перцы? – недоуменно произнес он, глядя на три дорогие иномарки, которые, весьма резво пролетая по улице, вдруг свернули в их сторону.

Почуввав недоброе, он хотел сказать Вере, чтобы она срочно уходила во двор, но не успел. Дальнейшее напоминало какой-то кошмар наяву, когда рассудок отказывается верить в реальность происходящего. Выскочившие из машин парни, не давая опомниться сидевшим у калитки, с ходу набросились на них. Виктор успел вскочить и, загородив собой девушку, ударом кулака сбил с ног одного из нападающих – мордастого белобрысого качка в черной майке с изображением какой-то отвратительной клыкастой рожи. Но почти сразу же еще один из нападающих сбоку коротко обрушил на его голову залитый свинцом нунчак, и Виктор, покачнувшись, безмолвно рухнул на траву с лицом, залитым кровью.

Еще двое нападавших, схватив Веру за руки и зажимая ей рот, буквально волоком затащили ее в машину. Отрывисто хлопнули дверцы, и под самодовольно-ликующее, доносящееся из кабин: «Й-е-е-е-е-е!!! У-у-у-у-у!!! А-а-а-ха-ха-ха-а-а-а!!!..» – иномарки помчались дальше.

В доме, судя по всему, слишком поздно услышали отчаянный вскрик Веры и не сразу отреагировали на истошный, захлебывающийся лай Атаса. Там на некоторое время установилась полная тишина, после чего с грохотом распахнулась дверь, и на крыльце появились встревоженные Федор и Андрей, за которыми спешили все остальные. Выбежав на улицу, мужчины замерли, ошоломленные от увиденного.

– Витя! Сынок! – придя в себя, к Виктору ринулся Андрей Иванович. – Что с тобой?!

Мужчина склонился над сыном, не зная, что предпринять. В этот момент веки парня, лежащего без движения, неожиданно чуть заметно дрогнули.

– Он жив! Вызовите «Скорую»! – выпрямившись, крикнул Андрей и тут же, схватившись за сердце, со стоном тяжело сел на землю рядом с сыном.

– А-а... где же Вера? – растерянно озираясь по сторонам, неизвестно у кого спрашивал Федор.

– Может, на них напала какая-то шпана, да она побежала за врачом? – предположила его свояченица. – Люда, надо срочно вызвать «Скорую» и милицию. Где у вас там телефон? – спросила она у беззвучно рыдающей хозяйки дома.

Не дождавшись ответа, женщина вбежала в дом и, найдя на тумбочке в прихожей телефонный аппарат, спешно набрала «ноль три».

– «Скорая»? Срочно машину на улицу Герцена, дом сорок, – требовательно заговорила она. – Кому? Парня ударили по голове, кровью истекает. Фамилия? Моя – Соколова, его – Усачев. Да поживее, давайте! Он ведь может умереть! Как это нет машин?! Если сейчас же не придет машина, я сегодня лично пойду к Анатолию Ефимовичу, и вашу шарашку на уши поставят! Ясно?!

Получив заверения в том, что машина все же будет найдена, женщина набрала «ноль два». Общение с милицией оказалось не менее тягомотным, чем со «Скорой». Какой-то снулый дежурный долго и нудно выяснял, что к чему, пока звонившая и его не припугнула жалобой районному главе. Лишь после этого тот заговорил совсем другим тоном и сообщил, что опергруппа уже выезжает.

Тем временем на улице события шли своим чередом. Спотыкаясь и задыхаясь на ходу, к недоумевающим и горюющим семьям спешили две старухи, выбежавшие из дома напротив.

– Федя! Федя! – кричала бежавшая впереди. – Мы все видели, что тут было... Они приехали на трех машинах, парня-то по голове чем-то ударили, а Верочку с собой увезли, проклятые. Прямо волоком затащили, и уехали!..

– А что за машины? Что за люди?! – бросаясь им навстречу, уже взявший себя в руки Федор до боли стиснул кулаки.

– Машины дорожные – не наши. Одна в точности, как у нашего зубника Багаряна. А какие еще две – даже не знаю, как назвать их. А приехали на них какие-то парни, лбы здоровые, с виду – настоящая банда. Вот, как в телевизере их показывают.

– А в какую сторону они поехали? – направляясь к воротам, уточнил Романцов.

– Если никуда не свернут, так в сторону кирпичного... – бабулька развела руками. – Господи! Горе-то какое! – всхлипнула она.

– Люд, хватит реветь! Помоги людям! – Федор, открывая ворота, сурово посмотрел в сторону жены. – Принеси аптечку. Парню надо голову перевязать, а Андрею дай нитроглицерина.

– Да, да... – утирая слезы, та побежала в дом.

– Федя, скажи честно, – глядя на хозяина дома, прорыдала Усачева, – это не бывший Верин ухажер решил отомстить?

– Оля, у Веры до Витька вообще никого не было, – доставая из кармана ключи от «семерки», стоящей за воротами, строго уведомил Федор. – Я удивляюсь тому, как он ее сумел углядеть. Она ж на танцы-то сроду не ходила. Тут, скорее, может быть другое... Уж не с Виктором ли кто-то решил свести счеты? Он же, говорят, парень бойкий – спуска никому не давал...

– Не знаю... – растерялась Ольга. – Но он сам говорил, что когда пришел из армии, то со всеми помирился.

– Ладно, я поехал. Может, бог даст, догоню этих сук!..

Взревев мотором, на улицу вылетела машина и, набирая скорость, помчалась в ту же сторону, куда менее пяти минут назад умчались иномарки с похищенной девушкой. Выбежавшая из дома Людмила трясущимися руками затолкала в рот свату таблетку сердечного средства, после чего они с Ольгой осторожно забинтовали голову Виктору, предварительно полив рассеченную рану перекисью водорода. Дав Ольге флакон с нашатырным спиртом, чтобы та попыталась привести сына в чувство, Людмила отошла в сторонку и, глядя в небо, прошептала слова какой-то молитвы, трижды мелко перекрестившись.

Откуда-то из центра поселка наконец донеслись звуки сирены «Скорой». Следом за медиками подрулила и милицейская машина.

– Что тут у вас случилось? – не очень приязненно поинтересовался сухощавый капитан, оглядывая присутствующих. – Что, устроили гулянку и малость чего-то не поделили?

– Нет, у нас сегодня была помолвка, – пытаясь взять себя в руки, заговорила Людмила. – Мы были в доме. Молодые вышли на улицу. Слышим – шум какой-то, собака стала рваться с цепи. Мы выбежали, а тут – вон чего... Витя, жених нашей Веры, лежит в крови, а ее самой нету. А вот тетя Поля говорит, что видела, как к ним подъехали какие-то парни на иномарках, его ударили, по голове, а ее насильно затащили в машину и увезли.

– Гм... – капитан конфузливо насупил – ему явно было неловко за свои скороспелые выводы. – А какие машины, их номера никто не запомнил?

– Да я ж, милый, в их совсем не разбираюсь, в этих самых машинах-то... – бабулька сокрушенно покачала головой. – Вот, может, Анна Борисовна чего заметила – мы с ней вместе это видели.

– Знаете, одна машина – это я точно знаю – черный «Лексус»... – заговорила вторая из бабулек. – Про остальные ничего сказать не могу. И еще, что я заметила, у самой задней машины – как называют, не знаю – задняя дверка малость вмятая.

– Ну, этого мало... – поморщился капитан. – Ладно, пройдемте в дом. Сейчас напишете мне заявления, все как полагается оформим и займемся розыском.

– Эй, а что тут такое? – подрулив на скутере, на происходящее с удивлением воззрились двое каких-то подростков. – Что случилось-то?

– Так, мелюзга, тут вам не цирк! Катите своей дорогой! – раздраженно прикрикнул капитан.

– Да, вон, парня какие-то изверги по голове ударили и Веру, его невесту, увезли, – проходя мимо мальчишек, вполголоса пояснила Анна Борисовна. – На трех машинах тут проезжали...

– А-а-а, так это, наверно, эти мажоры долбаные! – с сердитой гримасой на лице откликнулся сидевший за рулем. – Видели мы этих уродов...

– Ну-ка, ну-ка, – капитан, уже подошедший к калитке, торопливо поспешил назад. – Где видели, когда?

– Да вон там, с полчаса назад... – мальчишка ткнул рукой куда-то назад и вправо. – Мы ездили кататься к плодопитомнику, а они перли, как бешеные, со стороны базы отдыха. Нас чуть не сшибли – я еле успел увернуться. Проехали, вопят, гогочут, в окно «фак» показывают...

– Что за машины, не разглядели? – капитан приготовил блокнот.

– Ну, что там за тачки были?... – Хозяин скутера оглянулся на своего приятеля. – Первым шел черный «Лексус» – это я точно помню, потом еще две... На них внимания не обратил. А! Еще одна иномарка там темно-синяя, самая последняя – тоже черная.

– Синяя – это «Форд Мондео», – добавил пассажир скутера. – А самая задняя – «БМВ». У него номер еще такой понтовый – три шестерки.

– А почему вы решили, что это – мажоры? – недоверчиво воззрился капитан.

– А кто ж они еще? – Хозяин скутера с превосходством измерил его взглядом. – Гоняют кодлой на новеньких офигенных тачках, всем лет по двадцать – двадцать пять, корчат из себя крутых, мен... милиция их не трогает. Ясное дело, мажоры. Пацаны рассказывали, что они тут один раз уже рассекали по улицам.

Почесав под фуражкой затылок, капитан записал имена мальчишек и их домашние адреса, после чего уже с какой-то озабоченной задумчивостью направился к дому.

...«Семерка», на поворотах едва не срываясь с полотна шоссе, мчалась по трассе на предельной скорости. Успевший принять за столом не менее пяти рюмок, Федор от навалившихся переживаний за считанные минуты протрезвел, и лишь запах водки в салоне машины говорил о том, что он совсем недавно «употребил». Не задерживаясь, машина пролетела мимо старого кирпичного завода, фактически доживающего последние дни, где когда-то работал мастером. Но сейчас Федору было не до воспоминаний. Сердце рвалось на части от одной мысли, что его дочь, его кровиночка, скромная, застенчивая девочка, оказалась в руках неизвестных мерзавцев.

Федор понимал, что может случиться с ней в ближайшие часы. А может, и минуты. А он, ее отец, здоровый сильный мужик, ничем не мог ей помочь. Взгляд его глаз, сухих и словно остекленевших, не отрывался от дороги. При одной только мысли о том, что сейчас в каком-нибудь крысином закутке шакаля стая насильников терзает его ребенка, он готов был по-волчьи завывать и в бессильной ярости грызть баранку руля.

Вылетев на трассу, ведущую к областному центру Меднореченску, Федор помчался, не снижая ходу. Неожиданно он увидел впереди машину гаишников, которые, нацелив в его стопрону радар, взмахом жезла приказали остановиться. Свернув на обочину и дав по тормозам, он вышел из машины и решительно направился к гаишникам.

– Нарушаем? – многозначительно поинтересовался рослый лейтенант с радаром. – Куда так гоним с двойным превышением? О-о-о! Да ты, мужик, под балдой, я вижу!.. Коль, ты глянь – влупил, кабы, не меньше пол-литра «белячка»... Ты что, не...

– Ребята, постойте! – перебив его, торопливо заговорил Федор. – Я ни от чего не отказываюсь – да, выпил. Но у меня беда, ребята! Вы здесь не видели, сразу три иномарки не проезжали? Дочку мою, гады, прямо средь бела дня с улицы увезли. Ее парня по голове чем-то ударили, не знаю, жив ли. Ребята! Помогите их догнать! Вот эту «семерку» отдам. Все отдам, только помогите ее спасти!

– А ты уверен, что они поехали именно в эту сторону? – озадаченно наморщил лоб старлей, переглянувшись с напарником. – Вообще-то, мы сюда только что приехали... Может, они уже и проскочили. Ну, что с ним будем делать? Машину свою закрывай, и быстро к нам. Ладно, понимаем... Раз уж такой случай!

Включив мигалки и сирену, старлей дал газу, и служебная «десятка», рванув с места, понеслась по трассе. Его напарник, включив рацию, сообщил о факте похищения человека – молодой девушки, и назвал единственную примету похитителей – компания на трех дорогах иномарках.

– Где проживала похищенная? Ее имя, фамилия, отчество? – оглянувшись, спросил лейтенант.

– Поселок Наковальское, Герцена, сорок, Романцова Вера Федоровна, двадцать лет...

– Понятно, – кивнул лейтенант, дав в эфир дополнительную информацию.

– Если эти отморозки из Меднореченска, – заговорил старлей, – то, кроме как по этой дороге, им туда больше никак не проехать. Сейчас вон на стационарном посту узнаем – они, скорее всего, должны были заметить.

– Господи! За что же ей это все? – едва не скрежеща зубами, тягостно пробормотал Федор, глядя в окно.

– Сейчас вообще беспредел полнейший, – сочувственно откликнулся лейтенант. – Как «вышку» отменили, отморозки совсем оборзели. Раньше за убийство сотрудника органов «вышку» давали гарантированно. А сейчас? Ну, пожизненное могут дать. А им на это – тьфу. Тюрьма – дом родной...

Вскоре впереди замаячил виадук транспортной развязки на пересечении с федеральной трассой в сторону Москвы. У высокого «скворечника» стационарного поста ДПС стояли двое с автоматами – майор и лейтенант. Остановив машину недалеко от поста, прибывшие направились к дежурным.

– Товарищ майор, три темные иномарки в группе тут в ближайшие минут пятнадцать не проезжали? – подойдя поближе, спросил старлей. – Вон, у мужчины из Наковальского только что похитили дочь.

– Хм... – немного подумав, майор пожал плечами и, как-то особенно посмотрев на своего напарника, сообщил: – Нет, сразу три иномарки в группе не проезжали. Хотя... Черт его знает? Тут же видите – мимо нас все идут не более сорока. Может, и проехали, но... Как тут поймешь – в одной группе они или случайно оказались вместе?

Выслушав майора, Федор, не проронив ни слова, медленно пошел к «десятке», уже ни о чем не думая и больше ни на что не надеясь. Следом за ним, о чем-то негромко переговариваясь, двинулись и старший лейтенант с напарником. Неожиданно майор окликнул:

– Эй, старлей, подожди-ка сюда.

Когда тот приблизился, майор вполголоса поинтересовался:

– А этот мужик, он что, из чьей-то родни или сам в шишках?

– Да нет, по-моему, обычный работяга... – старлей с интересом взглянул на майора. – А что, что-то есть?

– Знаешь, возможно, эти три тачки тут и проезжали, – тот изобразил многозначительную мину. – Но если тебе доведется с ними столкнуться, лучше сделай вид, что их не замечаешь. И знаешь почему? Чтобы потом спалось спокойно и тебе самому, и твоей семье. Дочку этого мужика, конечно, жаль. Надеюсь, с ней подурят и отпустят живой. А вот если ты наедешь на этих гондонов, которые такими делами занимаются, тобой самим займутся их папаши. А они – во-о-о-н там. Нам до них не достать. И им достаточно раз плюнуть, чтобы от любого из нас осталось мокрое место. Постарайтесь мужика успокоить, отвезите его домой, авось все и обойдется. Пока!

Кивнув, старлей вернулся к машине.

– Чего он там? – поинтересовался лейтенант.

– Да... уточнил приметы машин и данные похищенной. Ну и сказал, что будут отслеживать транспорт, может, что-то подходящее и удастся заметить.

– Значит, все... Надежды нет... – стоя у «десятки», тягостно обронил Федор. – Что со мной теперь? Будете писать протокол? – обернулся он к гаишникам.

– Да ладно уж, – отмахнулся старлей. – Учитывая обстоятельства, обойдемся без этого. Доедем сейчас до твоей машины, ее поведет Серега, а ты – со мной. Доставим прямо до дома. Только, дядя, такое дело... Мы с тобой горючки развездим почти весь лимит, выделенный на дежурство. С горючкой не поможешь?

– Там, в баке, больше двадцати литров. Устроит? – не выразив ни радости, ни огорчения, сообщил Федор.

– Вопросов нет! – охотно кивнул старлей, и они помчались в сторону Наковальского.

...В доме Романцовых этой ночью никто не сомкнул глаз. Прибыв домой с гаишниками и заправив их из своей «семерки», Федор сходил за племянником. Предупредил жену, чтобы та звонила ему на мобильный, как только появятся какие-нибудь новости, и они помчались по улицам поселка в сторону ближайшей АЗС. Заправив машину, что называется «под завязку», они вырулили на шоссе, ведущее к Меднореченску, и «семерка», теперь уже со строгим соблюдением ПДД, пошла по трассе, сворачивая во все закоулки вдоль дороги, где только были съезды в сторону лесополос.

Вадим, племянник Романцова, внешне – типичный «ботаник», страшно переживал из-за случившегося. Руля по трассе, под гул мотора он что-то беззвучно бормотал, судя по всему призывая все мыслимые беды на голову мерзавцев, похитивших его двоюродную сестру. Совершенно миролюбивый парень, студент педагогического вуза, в этот момент он, сложись соответствующая ситуация, без малейшего колебания нажал бы на спуск ружья или автомата, нацеленного на этих нелюдей.

Когда они уже в сумерках проезжали мимо того самого КП, где он сегодня был, Федор вдруг припомнил то, на что в тот момент не обратил внимания, а потом все пытался понять, что же не давало ему покоя. Он вспомнил реакцию майора на вопрос старшего лейтенанта. Тот как-то слишком уж пристально глянул на своего напарника, как будто давал понять, чтобы парень держал язык за зубами. Может быть, ему это только показалось?... В любом случае, стоило попробовать еще раз поговорить с парнем.

Едва КП остался позади, Федор негромко произнес:

– Вадь, за той фурой стань, я кое с кем хочу переговорить.

Заметив, что на сей раз лейтенант дежурит один, он решительно направился к нему. Тот, заметив мужчину, направляющегося в его сторону, неспешно двинулся ему навстречу, придерживая рукой автомат, висящий на груди.

– Добрый вечер! – подойдя к нему, заговорил Федор.

– Добрый, – еще совсем мальчишеским голосом откликнулся лейтенант. – Вы что-то хотели?

– Послушайте, я ведь вижу, вы – человек порядочный, – торопливо вполголоса заговорил Романцов. – Помогите мне, Бога ради. Припомните, тут не проезжали в шестом часу три иномарки: черный «Лексус», темно-синий «Форд Мондео» и черный «БМВ», в номере три шестерки, задняя правая дверца помята? – зачем-то начал объяснять он, хотя и без того было ясно, что парень его узнал. – Понимаете, у меня украли дочь, ее жених сейчас лежит в реанимации, отец этого парня с тяжелым инфарктом под капельницей... У вас ведь тоже, наверное, есть братья и сестры, есть девушка, будут свои дети... Поверьте – врагу такого горя не пожелаешь. Помогите! Припомните!..

– Свиридов! Ты с кем там лясы точишь? Почему не контролируешь движение? – донесся от КП раздраженный голос майора. – Этот, что ль, опять? Гражданин, вы мешаете работать. Мы вам сочувствуем, но это не наша работа. Для этого есть угрозык. Обращайтесь туда! – направляясь к ним, бурчал он.

– Были! – почти беззвучно прошептал лейтенант и уже громко добавил: – Да я вот и говорю, что ничего похожего мы тут не наблюдали. Не было их – на все сто можете быть уверены.

– Вот именно! – одобрительно поддакнул майор, подойдя вплотную. – Вон сколько машин прет! Вот, пожалуйста, – идут подряд три иномарки: «Опель», «Шкода» и «Рено». Как их всех запомнишь... Так что мы вам тут помочь ничем не можем.

– Ну, извините, что побеспокоил... – И, поблагодарив лейтенанта чуть заметным движением век, Федор поспешил к своей машине.

Теперь он знал определенно: похитители приехали в Наковальское из областного центра. Скорее всего, это сынки или каких-нибудь областных «шишек», или губернских олигархов. А может быть, и тех, и других. Ишь, как майор кипятком зассал при одном лишь его появлении! Скорее всего, он их знает и боится, и подставлять собственную задницу из-за чужого ребенка не станет – это как пить дать.

И хотя боль от случившегося продолжала терзать душу Федора с неослабевающей силой, мимолетное участие со стороны несколько смягчило ее остроту. Значит, еще не все конченные уроды. Значит, еще есть надежда на то, что кто-то сейчас, помимо него, ищет Веру и, может быть, найдет. Он ежеминутно ждал звонка из дома и хорошо представлял себе, как ждут там его звонка. Но что он мог им сообщить?..

Уже настала ночная темень, а они с Вадимом продолжали методично объезжать все окрестные с Медногорском поселки и придорожные гостиницы. Взяв себя в руки, чтобы никто не мог догадаться об истинной причине поиска неизвестных отморозков – он уже успел догадаться, что ее, учитывая некоторые обстоятельства, следует скрывать, – Федор на этот счет придумал несколько разных версий.

Заехав на одну из заправок, якобы чтобы долить бензина, он мимоходом поинтересовался тремя иномарками.

– ...Да тут такое дело... – доверительно, приглушенным голосом повествовал он. – Были на рыбалке, на Микулиной речке. Едем вдоль берега, гляжу – впереди парни на трех тачках погнались. Тоже, видать, не клевало, вот они и сорвались. А у берега валяется навороченная мобила тыщ за пятнадцать. Видать, потеряли. Ну, думаю, надо ребятишкам вернуть... А как их сыщешь?

– Ну, взяли бы себе... – улыбнувшись, тоже вполголоса заметила кассирша. – Раз такие мобилы теряют, значит, с голода не умрут.

– Да тут у меня свой интерес появился. Я так смекаю, парни из каких-то верхов. Видать, имеют и связи, и прихваты... А у меня, понимаете, мой охломон залетел под следствие за хулиганку. Ну... подумалось, может быть, люди поспособствовали бы? Кто знает?

Понимающе кивнув, кассирша сокрушенно развела руками – таких она не припоминала.

Продолжая колесить по окрестностям губернского центра в совершенно несбыточной надежде увидеть Веру стоящей где-нибудь на обочине, они заезжали на все попадавшиеся на глаза автозаправки. Уже почти под утро, совершенно измученные, они заглянули на большую АЗС, которая находилась, по сути, уже в городской черте. Насколько мог припомнить Федор, этот микрорайон, изобилующий новостройками, назывался Zubовским, по названию деревеньки, уже давно поглощенной растущим городом.

Выслушав его байку насчет потерянной мобилы, девушка на кассе кивнула:

– Да, они у нас тут иногда бывают... – и, поморщившись, добавила. – Только, мне кажется, никакой благодарности вы от них не дождетесь. Такие свиньи!.. Ведут себя как последнее хамье – нагло, вызывающе, руки распускают... Так что, лучше их не ищите – вам же спокойнее будет.

Поблагодарив девушку, Федор вышел на улицу и на вопросительный взгляд Вадима коротко уведомил:

– Едем домой. А то как бы за рулем не уснуть – еще беды кому-то наделаем. А рассветет – поедем снова.

Вздохнув, Вадим включил передачу, и они поехали обратно в сторону Наковальского.

Глава 2

Веру нашел ранним утром на обочине одной из пригородных дорог проезжавший по ней на своей «Ниве» фермер из района, который с женой направлялся на железнодорожный вокзал встречать родственника, приехавшего погостить из Москвы. Девушка, придя в себя, с трудом выбралась на обочину.

Случившееся было, как кошмарный сон – нападение на них с Виктором, поездка в неизвестность с пьяными, гнусными отморозками, зверское избиение за то, что посмела сопротивляться. Но Вера иначе и не могла. Поддаться по доброй воле этим ублюдкам? Ни за что и никогда! И в машине, и в лесу, куда ее привезла эта шакалья стая, она отбивалась до последнего. За это ее били ногами – долго и озверело. Потом, изнасиловав, избили еще куда более жестоко. В себя она пришла только на рассвете, когда на соседних соснах раздались крики проснувшихся птиц.

Испытывая боль от каждого движения, девушка буквально поползла на шум машин, доносящийся от дороги, невидимой за деревьями. Когда она взобралась на обочину шоссе, недалеко послышался приближающийся шум мотора, который замер на месте после пронзительного визга тормозов. Послышались чьи-то голоса.

– Господи! Да что же это делается-то?! – подбегая к ней, причитала какая-то женщина.

Какие-то незнакомые люди подняли ее с колючей, срезанной тракторной косилкой стерни и положили на задний диван «Нивы», после чего машина вновь помчалась по дороге. Потом ее снова подняли, положили на носилки и куда-то понесли. Ее обследовали врачи, сделали какие-то уколы, забинтовали голову, к вене подключили капельницу. Часа два спустя в больничную палату буквально вбежали отец и мать, оба осунувшиеся, с побледневшими лицами, с кругами у глаз от бессонницы и тревоги.

Мать, рыдая, обняла дочь, безучастно взирающую на родителей, а отец, хмуро глядя в окно, хрипловато уговаривал:

– Ладно, мать, не надо причитаний! Уж хоть живая, и то – слава богу. А с этой швалью я сам разберусь. Ты, дочка, держись. Всякое в жизни бывает... Пока человек живой – все можно и исправить, и поправить. Главное – не падать духом.

– Что с Витей? – с трудом двигая разбитыми, распухшими губами, чуть слышно произнесла Вера.

– Жив он, жив! – поспешила заверить мать, торопливо утирая слезы. – Он в больнице, врачи говорят, состояние стабильное. Так что... Все будет хорошо...

Федору вскоре пришлось уехать – его ждала работа. Школьный трудовик, он и во время каникул был постоянно востребован. Людмила осталась с дочерью, по телефону договорившись с начальницей о трехдневном отгуле, пообещав потом отработать в счет выходных.

Ближе к обеду в палате Веры появился темноволосый гражданин с кожаной папкой, набитой бумагами. Он представился как дознаватель, который должен провести расследование случившегося. Безучастно глядя перед собой, Вера с трудом находила в себе силы, чтобы отвечать на вопросы, иные из которых вызывали ее крайнее внутреннее неприятие. Визитера интересовало, сколько человек участвовало в изнасиловании, было ли это с ее стороны добровольным, как долго все происходило, запомнила ли Вера своих мучителей, как их имена, не встречалась ли с ними ранее...

Девушка сообщила, что насильники своих лиц не скрывали и поэтому опознать их она сможет. Запомнила, что одного из них звали Романом, а еще одного Казбеком. Когда ее в лесу вытащили из машины, один из подонков – тот самый качок в черной майке – заорал, что сегодня первым будет он.

– Ты чё, Ромаха? Оборзел совсем? – кричал другой. – Сегодня я первый. Ты был прошлый раз.

– Прошлый раз первым был Казбек! – размахивая руками, продолжал орать качок.

Воспользовавшись тем, что подонки отвлеклись, Вера неожиданно укусила за руку одного из тех, кто ее удерживал. Тот, взыв от боли, выпустил ее запястье. С силой вырвав руку у другого, девушка попыталась бежать, но негодяи, опомнившись, ринулись ей вслед и без труда догнали.

– Ах ты, сука! – держась за укушенную кисть, прошипел отморозок и с размаху ударил девушку кулаком в сплетение.

У Веры потемнело в глазах, и дальнейшее она воспринимала уже, как сквозь сон, тяжкий и запутанный. Ее бросили на землю и стали избивать ногами...

Мать, сидя неподалеку, с трудом сдерживала себя, чтобы вновь не расплакаться. Для нее было невыносимой мукой слушать о пережитом дочерью.

Когда дознаватель, наконец, ушел, в палате появилась медсестра – худая тетка с желтоватым недобрым лицом и язвительной ухмылочкой, которая поменяла на капельнице флакон с лекарством.

– Что, мамаша, – скрипучим голосом спросила она, – не уберегла свою дочку? Приглядывать надо было лучше. А то они, эти вертихвостки, задирают перед кем ни попадя подол, а потом из-за этого парни в тюрьму садятся...

– О чем вы говорите?! – у Людмилы от возмущения даже перехватило дыхание. – Да как вы смеете? Она скромная и порядочная, у нее жениха чуть не убили, она сама чуть жива осталась...

– Ой, да ла-а-а-дно... – прогнусавила та, выходя из палаты. – Знаем мы вас, честных и невинных...

Повернувшись к дочери, Людмила увидела на ее лице слезы.

– Мам, забери меня домой!.. – прошептала Вера. – Я не хочу здесь быть. Здесь все такие злые... За что она так?!

– Ладно, дочка, я сейчас поговорю с врачами... – Людмила вытерла ей слезы и вышла в коридор.

Увидев проходившего мимо врача, который проводил осмотр Веры, она остановила его и спросила, нельзя ли перевести дочь в их районную больницу. Тот недоуменно пожал плечами.

– Вообще-то, ее сейчас транспортировать было бы нежелательно – могут быть осложнения... Вот дня через два можем перевести и к вам в Наковальское. А что за спешка такая?

Не желая выглядеть склочницей, Людмила в общих чертах рассказала о реакции Веры на слова медсестры.

– ...Я боюсь, что при таком отношении к ней моя дочь вообще не встанет на ноги... Если только ей не станет еще хуже, – добавила она.

Услышав о медсестре, врач сердито нахмурился: «Вот перечница чертова, мать ее...»

– Знаете, – досадливо поморщившись, врач тронул Людмилу за рукав, – я распоряжусь, чтобы она в палате вашей дочери больше не появлялась. Между нами говоря, я бы ее давно с треском уволил – вот она где у меня сидит! Но она тут кое-кому доводится родней, и мне приходится терпеть, пока сама не уйдет на пенсию. Но к Вере она больше подходить не будет.

– Но почему она так недобро настроена по отношению именно к моей дочери? – Людмила недоуменно развела руками. – Чем ей моя девочка так досадила?

– Видите ли, два года назад ее сын, бездельник и пропойца, за участие в групповухе сел на восемь лет. Представьте себе, трое пьяных дебилов, которым под тридцать, напали на школьницу. Пострадавшая осталась инвалидом. Вот он теперь мамаше пишет из тюрьмы жалобные письма, а она бежит по адвокатам, все надеется добиться его освобождения, да поедом ест тех,

кто, по ее мнению, виноват в случившемся с ее сыночком... Но она больше у вас не появится – обещаю. Кстати, это жениха Веры с травмой головы положили в реанимацию?

– А он тоже здесь? – удивилась Людмила.

– Да, в соседнем корпусе... – врач кивнул головой куда-то влево. – Лежит под аппаратом искусственной вентиляции легких. Вообще, конечно, случай очень тяжелый. Из-за удара у него произошло обширное внутримозговое кровоизлияние, нарушены многие функции мозга. Так что, даже если он и выживет, очень трудно будет надеяться на полное выздоровление.

– Только Вере ничего об этом, пожалуйста, не говорите... – смахнув вновь выступившие слезы, Людмила умоляюще прижала руки к груди. – Она ведь первое, что спросила, жив ли Витя.

– Ну, это само собой! – заверил ее врач, с озабоченным видом направляясь в ординаторскую.

Свое слово он сдержал – желчная стерва в палате Веры больше не появилась. Проводила процедуры теперь молодая девчушка, недавняя выпускница медучилища. К вечеру состояние Веры несколько улучшилось, и Людмила начала подумывать, не сходить ли в соседний корпус, посмотреть, как там Виктор. При нем наверняка дежурила Ольга, и обе матери могли бы хоть морально поддержать друг друга. О том, что Виктор в этой же областной больнице, Людмила дочери говорить не стала. Зачем ее сейчас волновать... А вот как только парню станет лучше, она сразу же сообщит Вере эту радостную новость.

Придумав подходящий повод, она направилась к двери, и тут... Чуть не нос к носу столкнулась со склочницей, которая, несмотря на запреты врача, вновь появилась в палате. При виде ее Вера сразу же сжалась в комок, как будто в палату пожаловала сама смерть. А та, что-то бурча себе под нос, начала рыться в стеклянном шкафу. Наконец, взяв какую-то кювету, медсестра направилась к выходу. Людмила внутренне перевела дух, надеясь, что та так же молча покинет палату. Но она ошиблась. Старая скандалистка знала, как лучше всего нанести удар. Уже выходя из палаты, она обернулась:

– Что, нажаловалась на меня заведующему отделением? Вот тебя за это бог и наказал. Вон, вашего женишка только что в морг повезли вперед ногами. Венки идите покупайте...

Людмила испуганно оглянулась. Отбросив одеяло, Вера с отчаянным стоном:

– Витя! Витя! Нет!.. – поднялась с постели и, волоча за собой шланг системы гемодиализа, подключенный к ее вене, бросилась к выходу.

Стойка с флаконом лекарственного раствора с грохотом упала, а девушка, сделав пару шагов, внезапно замерла с остановившимся взглядом. Если бы не успевшая подбежать к ней Людмила, она бы неминуемо рухнула на пол. С трудом уложив дочь на кровать, она вдруг поняла, что Вера не дышит. Выбежав в коридор, Людмила отчаянно закричала:

– Врача! Срочно врача! Помогите кто-нибудь!

Из ординаторской опрометью примчалась молодая медсестра и, проверив пульс, начала спешно делать массаж сердца. Менее чем через минуту в палату прибежал и врач. Тут же подле Веры началась суета с уколами, с дефибриллятором, с какими-то другими реанимационными манипуляциями. Людмила стояла, глядя на медиков, и ждала, когда же они скажут, что все в порядке, что, слава богу, обошлось... Когда? Когда?! Но шли минуты, а усилия врачей результата не давали. Наконец, выпрямившись, врач устало махнул рукой.

– Все... Вы сами видите – мы сделали все, что могли. Что ж вы не углядели и позволили ей встать? – он укоризненно покачал головой.

– Я просто не успела, – еле смогла выдавить из пересохшего горла Людмила. – Когда эта... женщина пришла сюда и сказала, что ее жених умер, она сразу подхватила и...

Дрожа всем телом, она безудержно заплакала.

– Что? Козялло опять сюда приходила?! – врач сокрушенно всплеснул руками. – Вот сволочь! Я же ей приказал и близко не подходить к этой палате! Ну, тварь...

Видеть свою дочь, лежащей с лицом, накрытым простыней, Людмила больше не могла и, закрыв глаза руками, выбежала из палаты, наткнувшись на кого-то в коридоре.

– Извините... – всхлипнула она и тут увидела перед собой все ту же склочницу.

– Ах ты, гнусная гадина! – как тигрица впевившись ей в волосы, Людмила ударила медсестру головой о стену. – Это ты убила мою дочь! Ты! Ты! Ты! – плача навзрыд, громко кричала она.

Та истошно визжала, а она все била и била ее головой о стену, о подлокотник стоявшего рядом кресла, о дверную притолоку... Выбегавшие на шум врачи с трудом оторвали ее от медсестры и оттащили в сторону. Та, достав из кармана платочек, утерла сочащуюся из носа кровь и, промокнув ссадину на лбу, истерически завопила:

– Так тебе и надо, сука! А я тебя теперь еще и по судам затаскаю! Ты у меня в тюрьму сядешь! Я сейчас же вызову милицию!

– Зря вы с ней связались! – отпуская Людмилу, тяжело вздохнул врач. – У нас ее тут меж собой только Ведьмой и зовут. Боюсь, немало она вам доставит неприятностей...

В больницу и в самом деле очень скоро прибыл милицейский наряд. Правда, выяснив, в чем дело, милицейские ограничились составлением протокола и уведомлением Людмилы о том, чтобы та в ближайшее время пределов своего района не покидала, поскольку произошедшее вполне могло подпасть под статью уголовного кодекса, и судебное разбирательство было неизбежно. Несмотря на старания Козялло, которая усердно изображала из себя чуть ли не умирающую, опера забирать с собой ее обидчицу не стали.

Узнав о том, что тело дочери они получают только после патологоанатомической экспертизы, убитая горем Людмила отправилась на автовокзал. Вызывать мужа она не решилась – вдруг, узнав о смерти Веры, он в дороге в расстройстве допустит ошибку, и тогда уж действительно беды им не расхлебать. Взяв билет, она вдруг увидела Ольгу, сидящую в зале ожидания в черном траурном платке. Она подошла к ней, и женщины, обнявшись, сидели так до отбытия своего автобуса.

...Виктора и Веру хоронили в один день и в одной могиле. Провожать их пришел почти весь райцентр. Кое-кто приехал даже из соседних сел. О случившемся с молодой парой в день их помолвки знали все без исключения. После прощальных слов и отпевания, когда под плач близких гробы опустили в могилу, а на ней установили два креста, поднявшийся на табуретку мужчина пенсионного возраста – бывший школьный учитель, человек в Наковальском очень уважаемый, попросил всех на минуту задержаться.

– ... Оба они учились у меня – Витя на три года раньше, потом Вера. Они могли бы стать прекрасной, замечательной парой... – Старик смахнул слезы. – Они наши земляки, которых убили какие-то негодяи. Убили цинично, глумливо, бросив этим вызов всем нашим людям. Я уверен, что это дело рук сынков тех, кто поставил себя выше закона и общественного мнения. Поэтому у меня есть опасение, что, как это у нас часто бывает, случившееся «спустят на тормозах». Этого допустить никак нельзя! И поэтому у меня ко всем просьба. Сейчас в столовой нашей третьей школы будет поминальный обед. Понятно, что все на нем присутствовать не смогут. Но я прошу вот о чем. Во дворе школы я буду собирать подписи под заявлением в Генеральную прокуратуру, чтобы это дело было взято под особый контроль. Иначе, если мы этого не сделаем, то, значит, согласимся с тем, что они – всевластные, что они – для нас цари и боги, а мы – безгласное быдло, с которым вольно поступать как заблагорассудится.

– Петр Васильевич! Придем! Все будем! – откликнулись десятки голосов, по большей части молодых.

Непривычная для Наковальского огромная, преимущественно траурно одетая толпа задвигалась, зашевелилась и, разбиваясь на мелкие, живые ручейки, начала покидать поселковое кладбище. К Петру Васильевичу приблизился официально одетый гражданин с осанкой пингвина и, склонившись к его уху, негромко заговорил:

– Петр Васильевич, всецело уважая вас и чтя скорбь родителей, тем не менее хотел бы спросить: а у вас разрешение соответствующего органа власти на проведение объявленной вами акции есть? Понимаете...

Остановившись и измерив взглядом «законника», старый учитель саркастично улыбнулся.

– Эх, Аркашка, ты, Аркашка! Был Аркашкой, им и остался, хоть и вознесла тебя судьба до замов районного главы, хоть и положено теперь тебя звать Аркадием Геннадьевичем... Вот как в школе ты был безынициативным приспособленцем, чеховским Беликовым, живущим по принципу «кабы чего не вышло», так и сейчас живешь. Да ни у кого ничего я спрашивать не собирался и не собираюсь. Митинга там не будет – не паникуй. Просто люди будут подходить и ставить подписи. Только и всего.

– Петр Васильевич... – уязвленный чиновник недовольно скривился. – А вообще, если подумать, это очень надо – собирать подписи и посылать письмо Генеральному прокурору? Тут ведь милиция своего последнего слова пока еще не сказала. А вы пытаетесь представить дело так, будто заведомо уверены, что никого она не будет искать.

– А я, многоуважаемый Аркадий Геннадьевич, именно так и думаю – никого милиция не поймает, и никто не понесет наказания. – Старый учитель с какой-то даже жалостью смотрел на своего бывшего ученика-троечника, со школьных лет не обладавшего никакими иными талантами, кроме одного-единственного – угождать тем, кто сильнее. – Поэтому и хочу обратиться в Москву. И еще хочу вам напомнить главный постулат демократии: разрешено все, что не запрещено. Закон не запрещает собирать подписи под частным письмом? Нет? Ну, тогда – будьте здоровы.

Количество желающих подписаться под письмом превысило несколько сот человек. Упаковав письмо в большой конверт, Петр Васильевич отнес его в районное почтовое отделение, где оформил как заказное с уведомлением. Ему не дано было знать, что в это время в кабинете районного главы шло совещание в узком кругу, где, помимо самого главы, присутствовал Аркадий и заведующая районным узлом связи. Аркашка после разговора со своим бывшим учителем, что называется, «теми же ногами» спешно помчался в администрацию.

Глава района Крутахин, узнав о намечающейся акции, тут же «вызвонил» к себе завпочтой. Дело начинало принимать серьезный оборот, а значит, нужно было срочно что-то предпринимать. «Ну, надо же, – сокрушался Крутахин, – совсем народ распустился с этой демократией. Местные власти ни в грош не ставят. Хорошо, хоть Аркашка оказался в нужное время в нужном месте. А то ведь и правда письмо могло до Москвы дойти. А там неизвестно еще, как к нему отнесутся. Что, если воспримут как сигнал, свидетельствующий о бездействии местных властей и их некомпетентности? Поэтому самое лучшее, если оно никуда за пределы района не уйдет».

Когда заведующая почтовым отделением ушла, пообещав «принять все необходимые меры», Крутахин созвонился с начальником милиции Багрячим и прокурором района Ныльцом. Теперь в его кабинете заседал уже «квартет мыслителей», обсуждавших общественно-политическую ситуацию, сложившуюся в связи со смертью молодой пары.

– Господа, как вы сами видите, у нас в Наковальском ситуация довольно накаленная... – заговорил глава. – Поселок у нас крупный – восемь тысяч населения. Но, по сути, почти все друг друга знают. И случившееся с этими... э-э-э... Романцовой и Усачевым стало очень серьезным фактором, влияющим на, так сказать, брожение умов...

Крутахин вкратце рассказал о настроениях, царивших на кладбище, и начавшемся сборе подписей под письмом в Генпрокуратуру. Правда, умолчал о своем поручении, данном заведующей районным узлом связи.

– И вот в связи с этим, господа, нужно приложить все усилия, чтобы это, без преувеличения, резонансное преступление было раскрыто. – Глава покосился в сторону начальника милиции. – Что скажешь, Тимофей Яковлевич?

– Никого по этому делу ни найти, ни задержать не удастся, – лаконично уведомил тот.

– Это почему же? – в один голос спросили глава с прокурором.

– Да по той же самой причине, почему в прошлом году не нашли виновников ДТП со смертельным исходом на пересечении улиц Южной и Клары Цеткин. Там, помнится, парень и девушка из известных в районе семей в нетрезвом виде катались после дискотеки и в результате наезда причинили смертельную травму подростку. Надеюсь, вы догадываетесь, о ком идет речь...

Глава района и прокурор, мельком переглянувшись, с досадливой миной на лице уперлись взглядами в стол.

– Ты хочешь сказать, наломали дров ребятишки из... – приглушенно заговорил Крутахин и, не dokonчив, ткнул пальцем куда-то вверх.

– Вот именно, – хмуро подтвердил Багрячий. – Из тех, кого нам не достать. Да и пытаться это делать, сами понимаете, не стоит – себе дороже выйдет.

– Но делать все равно что-то надо! – Крутахин стукнул кулаком по столу. – Нам еще не хватало тут митингов, шествий, голодовок, самосожжений... Придумайте что-нибудь.

– А что я, по-вашему, могу придумать? – Багрячий затряс перед собой руками.

– Придумаешь, придумаешь... – многозначительно глядя на него, хмыкнул глава. – В позапрошлом году нашли же выход, когда от побоев, нанесенных неизвестным лицом, умер преподаватель музыкальной школы Соломкин? Правильно, на двенадцать лет сел нигде не работающий, ранее судимый Халитдинов. Но по району до сих пор ходят упорные слухи, что на самом-то деле Соломкина от нечего делать избили два перепивших сержанта ППС. Так что, уважаемый Тимофей Яковлевич, думайте, как выйти из положения. Думайте!

– Я получил информацию о том, что в отношении Людмилы Романцовой возбуждается уголовное дело по факту нападения на медсестру областной клинической больницы Ядвигу Козялло, – закуривая, сообщил прокурор.

– Да, мне рассказывали... – кивнул Крутахин. – Эта особа в издевательской форме сообщила потерпевшей о смерти ее жениха, из-за чего у той отказало сердце. Сегодня на похоронах об этом много говорили. Ч-черт! Если суд признает Романцову виновной и назначит ей наказание, то... Там нельзя по вашей линии договориться, чтобы Козялло самой дали по шапке и она отказалась от своего иска?

– Попробую... – почесав затылок, пообещал Нылец.

...На следующий день после похорон Федор зашел в райотдел милиции. Начальник угрозыска Закирбеков, сочувственно вздыхая, сообщил, что он лично взялся за расследование этого дела. Более того, главный районный «пинкертон» заверил, что им будет предпринято все возможное, чтобы в ближайшее время преступники были найдены и пошли под суд.

– Ну, вы хотя бы узнали, чьи это машины, что на них могли быть за люди? – несколько настороженно спросил Романцов.

– В принципе, уже почти установили, – охотно кивнул тот. – Еще вчера в пригородной зоне Меднореченска в разных местах были найдены брошенными три иномарки, ранее заявленные в розыск как угнанные от базы отдыха «Ласточка». Сейчас с ними работают эксперты – ищут отпечатки пальцев, какие-либо вещдоки, по которым можно будет выйти на преступников.

– То есть все это дело учинили не хозяева этих машин? – Федор удивленно посмотрел на Закирбекова.

– Да, есть версия, что в Меднореченске появилась банда отморозенного хулиганья, занимающаяся угонами автотехники, на которой потом совершаются различные преступления. До

этого они особо о себе не заявляли, и все до поры до времени им сходило с рук. Ну, а этот случай уже из ряда вон, как говорится. Если появится что-то новое, мы вам сообщим, – явно ставя точку в разговоре, заверил «пинкертон».

Из райотдела Романцов выходил со смешанным чувством недоумения и досады. Внутренне он чувствовал, что его не самым искусным образом пытаются обмануть. Но не мог понять – чего ради затеваются все эти хитрые игры. Хотя и об этом догадаться было несложно... Сержант запаса спецназа ВДВ, потомок уральских казаков, кроме вольнолюбивого, непокорного характера, имел еще и хорошо развитую интуицию, благодаря которой во время облавы на волков, когда те зимней порой наведывались поразбойничать в их края, он всегда точно угадывал, куда именно ринутся серые хищники, преследуемые бригадой охотников.

Федор догадывался – по интонации голоса «пинкертона», по его не очень искреннему взгляду, по не слишком убедительной жестикуляции, – что главный районный сыщик исполняет чей-то приказ отвести подозрения от настоящих убийц, подсунув ему какую-нибудь маргинальную, отмороженную шпану, к гибели Веры не имеющую никакого отношения. Идя домой, он вдруг подумал о том, что, наверное, не случайно киношники сняли ставшего популярнейшим в России «Ворошиловского стрелка»...

* * *

Летним вечером, в уже стусившихся сумерках, когда город залил теплый оранжевый свет галогеновых ламп, по одной из магистральных улиц Меднореченска – проспекту маршала Конева – мчалась лихая колонна из трех иномарок. Судя по манере езды, сидевшие за рулем или изрядно перебрали, или взялись галопировать, получив всего пару уроков вождения. Они внаглую пересекали даже двойную сплошную, вылетая на встречную полосу, из-за чего оказавшимся на их пути приходилось шарахаться к своей обочине. Или пролетали под светофорами, ничуть не заботясь о том, какой те подадут сигнал. Ни запрещающих, ни каких-либо иных знаков они словно не замечали.

Подрезая и притирая идущих в попутном направлении, «удальцы» спровоцировали не одно столкновение, когда, уворачиваясь от них, водители вынужденно задевали соседей справа или слева. Слепя прохожих, вынужденных спешно убегать от них с переходов, как от чумы, и встречных автомобилистов мощными «ксенонками», автоотморозки явно чувствовали себя на городских улицах хозяевами положения. Не один из тех, кто увидел «трио» шальных иномарок, сердито проворчал им вслед:

– Чтоб вам пусто было, мажоры гребаные!..

Горожане, осведомленные по части того, «кто есть ху», догадывались, чьи именно чада «развлекаются» на городских улицах. Но тем не менее ни один из них не мог дать логический ответ на элементарный вопрос: почему городская и губернская власть допускает такое вопиющее беззаконие? Неужели властям было невдомек, что, попустительствуя зарвавшимся отморозкам, они сами себя роняли в грязь в глазах простого населения? Хотя... Власти нуворишей, уже давно оторвавшейся от народа, наверное, на все это было наплевать.

У одного из перекрестков, подрезая какого-то деда на стареньких «Жигулях», мчавшийся впереди «Лексус» задел его своим зеркалом, и на дорогу посыпались обломки пластмассы. Тут же, прижав «шестерку» к обочине, из «Лексуса» вывалило трое рослых лбов, среди которых был и хозяин машины – мордастый качок в черной майке с изображением оскаленной дьявольской рожи на груди. Ударив ногой по дверце «жигуленка», он скомандовал:

– А ну, вылазь, старый козел! Ща с тобой разбираться будем.

Поняв, что те, с кем его свела судьба, вовсе не из городской ассоциации альтруистов, старик поспешил нажать на кнопку блокировки замка. Но... Подошедший следом за верзилкой

долговязый чернявый тип с профилем кавказского джигита коротко ударил в стекло кастетом. С пронзительным звоном закаленное стекло мгновенно рассыпалось на мелкие острогранные кубики, посыпавшиеся внутрь салона. Старик едва успел зажмуриться, чтобы стекло не попало в глаза, как почти сразу же оказался снаружи.

Подняв кнопку и открыв дверцу, верзила одним рывком за ворот пиджака выдернул хозяина «жигуленка» из-за руля, и тот, прислонившись спиной к машине, испуганно закрылся руками в ожидании удара. Перед ним с глумливыми, гнусными ухмылками стояло семеро великовозрастных «акселератов», явно не из бедных семей.

Мимо проходили люди – много людей, но все спешили миновать место расправы, делая вид, что ничего не замечают. Да и с какой стати рисковать своим здоровьем ради какого-то деда? А может, он сам виноват, и пацаны делают ему законную «предъяву»? Да и вообще, в наше время, когда у каждой твари есть нож или пистолет, вмешиваться в чужую разборку все равно что совать руку в кипяток за нечаянно упавшими в него часами – и часам все равно кирдык, и сам ошпаришься...

Впрочем, справедливости ради надо сказать, возможно, среди трусливо-безразличной, амебной массы прохожих были и те, кто мог и хотел вступить за старика. Но... Кто не знает нашего самого «справедливого и гуманного» правосудия (которое иногда справедливее было бы назвать «левосудием»), когда бандит за ношение финки или пистолета получает срок по минималке, а вот обычный гражданин, перочинный нож которого кем-то был признан «выходящим за рамки разрешенного законом об оружии», в большей степени рискует схлопотать по максимуму?..

Возможно, и здесь, скрежеща зубами от бессильной ярости, мимо проходили нормальные, смелые парни, которые в любом другом случае могли бы дать укорот обнаглевшему шакалю. Но один, памятуя о своей только что родившейся крохе-дочке, которая запросто может остаться без отца сразу на несколько лет, а другой – об учебе в университете, откуда можно вылететь за «несанкционированную драку в общественном месте», вмешаться так и не решились.

В самом деле! Кто не слышал о питерском боксере, который, застав педофила-гастарбайтера, пытавшегося изнасиловать его приемного сына, не смог справиться с эмоциями и отвесил подонку колотушек, может быть, даже с некоторым избытком? Хотя о каком «избытке» тут может идти речь? Кто они, эти законотворцы, и по каким критериям смогли они сопоставить ущерб, нанесенный психическому и физическому здоровью изнасилованных детей, и меру наказания для насильника? А что сказать о судьбе не менее известного челябинского спецназовца, который за покушение на маленькую племянницу, как подобает мужчине, воздал гнусной двуногой твари, каких, стоит отметить, в некоторых странах за подобные преступления предадут публичной казни? Эти двое по решению суда отправились в тюрьму, поскольку «потерпевшие» вследствие побоев пополнили городские морги. А все остальные были вынуждены сделать для себя соответствующий вывод: оказавшись в подобной ситуации – лучше не вмешиваться!

Пусть убийца при тебе полосует ножом беззащитную женщину. Пусть! Ведь если ты вмешаешься и ножом этой же мрази в человеческом обличье нанесешь ему рану (да еще и, не приведи господь, смертельную!), ты, никогда не нарушавший никаких законов, можешь запросто отправиться на нары. Пусть при тебе педофил насилует ребенка. Пусть! Ведь если ты в горячке возмущения и негодования сломаешь ему нос и выбьешь зубы, тебя могут осудить за злостное хулиганство, да еще и обяжут компенсировать затраты педофила на зубопротезирование и пластическую операцию.

Ведь только взрыв возмущения интернет-сообщества не позволил «левоохранителям» отправить в тюрьму женщину, которая, защищаясь от таксиста-насильника, ранила его в ногу его же собственным ножом. Ранила! Но тот – на то, как видно, была воля Неба – расстался со

своей подлой жизнью, наверняка отправившись в тот самый пресловутый ад. Однако женщина была признана виновной в нанесении «телесных повреждений, приведших к смерти потерпевшего». Мало того, учитывая тот факт, что подвергшаяся нападению по несчастью своему оказалась славянских корней, а таксист – нет, ей пытались «пришить» еще и ставшую с некоторых пор весьма знаменитой статью «О разжигании межнациональной розни»...

Трудно сказать, какие «либералистично-толерантные общечеловеки», принимая законы, додумались до того, что убийство ни в чем не повинного человека по степени наказания иной раз сопоставимо с не самой крупной кражей? Впрочем... Это ли предел абсурда? Наверное, никто не знает, что бы нас могло ждать, если бы под давлением некоторых «гениев законотворчества» еще в те «лихие девяностые» был бы принят закон, согласно которому за насилие даже над несовершеннолетними полагался бы только штраф, а за убийство даже нескольких человек максимальный срок не превышал бы десяти лет? Ведь главное в наказании, уверяли «гуманисты», – его неотвратимость, а не длительность и степень жесткости...

...Наверное, именно эти мысли приходили в голову напуганному старику, когда он стоял, слабый и незащищенный, в окружении компании суперменствующих отмороzków. Собравшись с духом, он все же решился сказать:

– Парни! Что вы делаете? Ведь это же вы сами меня задели! Я-то тут при чем?

Подонки, выпучив глаза, недоуменно переглянулись, как если бы в их присутствии вдруг подал голос мороженный минтай. Верзила, гоготнув, удивленно объявил:

– Этот ходячий утиль еще и вякнуть что-то хочет? Ты, огрызок с помойки, ты что, не понял, в какую историю влип? А ну-ка встал на колени!

Старик растерянно воззрился на него – не шутит ли? Но тот, похоже, шутить и не думал.

– Встал на колени! Быро! Иначе, козел, я тебе прямо тут башку твою тупую сверну! – уже осатанело проревел качок.

Чувствуя себя с головы до ног облитым помоями, словно кролик под взглядом алчного удава, старик, не помня себя, опустился на колени. Самодовольно гогоча и отпуская плоские шуточки, «акселераты» принялись пинать его ногами. Били не слишком сильно, хотя, скорее всего, до синяков.

Но главное тут было в другом. Прежде всего, это было запредельное унижение старости сопляками, единственное «достоинство» которых заключалось в том, что их родители, не страдающие избытком совести, зато обладающие избытком связей, где – лишь отчасти честно, где – вообще нечестно, в свое время ухитрились оказаться ближе прочих к Большому Общероссийскому Корыту. И самое главное – в нужный момент, когда началось растаскивание того, что когда-то считалось общенародной собственностью. Какая разница, кто и каким образом прихапал себе тот или иной завод, нефтепромысел, а то и целое пароходство? Главное – теперь именно этот человек – «хозяин жизни», равно как и все его домочадцы, а не те, руками которых зарабатываются средства, позволяющие им безбедно существовать...

Посчитав экзекуцию законченной и напоследок по очереди плюнув на и без того безгранично униженного человека с втоптанном в грязь достоинством, мажоры, довольно гогоча, расселись по своим авто и помчались дальше, продолжая теснить, подрезать, игнорировать знаки и светофоры.

Запомнив номер одной из машин – «БМВ» с общеизвестными «сатанинскими» тремя шестерками, старик с трудом поднялся на ноги и, подойдя к таксофону по бесплатному «ноль два» позвонил в милицию. С трудом придав голосу хоть какую-то твердость – из-за пережитого унижения душили слезы, – он в общих чертах сообщил, что подвергся нападению неизвестных автохулиганов, которые мало того, что сами создали аварийную ситуацию, так еще и прилюдно побили ногами. Записав его данные, дежурный пообещал направить к нему ближайший экипаж ППС.

И в самом деле, через какие-то пять минут показался милицейский «уазик», который медленно шел вдоль тротуара. Увидев машину с мигалками, старик, махнув рукой, вышел ей навстречу. Из «уазика» вышли прапорщик и старший сержант, оба с автоматами на плече.

– Вы вызывали милицию? – подойдя к нему, поинтересовался прапорщик.

– Да, ребята, это я вызывал, – кивнул старик, несколько приободрившийся при появлении патрульных. – Тут вообще дикий случай...

Он рассказал милиционерам о наглom поведении мажоров на дороге, о том, как, спровоцировав касание, те разбили стекло его машины, а затем унижали и били ногами. Выслушав старика, прапорщик понимающе кивнул и, осмотрев дверцу с разбитым стеклом, деловито спросил:

– А номера их машин вы не запомнили? Мы сейчас подключим гаишников, и их в момент разыщут.

– Всех машин не успел, а вот «БМВ» – запомнил. Номер у него такой: о, о, шестьсот шестьдесят шесть, о. Регион наш, – заглянув в блокнот, сообщил старик.

– Святослав, свяжись с гаишниками, пусть пробьют этот номерочек, – распорядился прапорщик. – Вам надо будет написать заявление по поводу случившегося. Та-а-а-к, вообще-то, этот номерочек мне чем-то знаком... Скажите, а что за хулиганы были? Вы их не запомнили?

– Запомнил... – кивнул старик. – Значит, их было семеро; трое по виду, скорее всего, кавказцы, четверо – русские. Главарь у них – такой мордастый верзила, на нем черная майка, на которой нарисована страшноглядная, оскаленная рожа. То ли вурдалак, то ли оборотень какой – не знаю.

– Хм... Где-то я их уже видел... – напряженно задумался прапорщик.

– Иван, подойди-ка сюда! – неожиданно выглянув из кабины, окликнул его сержант.

Некоторое время о чем-то посоветовавшись и с кем-то переговорив, милиционеры вновь вернулись к старику. Оба теперь почему-то выглядели поскучевшими, словно их обоих опустили в холодную воду, и теперь они стоят, не зная, как обсушиться. Переступая с ноги на ногу, прапорщик негромко заговорил:

– Батя, мы все понимаем – это уроды, твари, отморозки... Такие должны сидеть на нарах. Но тут такое дело... Это строго между нами! Коллеги, в общем, дали понять, что с этими ублюдками лучше не связываться. И вам – прежде всего... – Он досадливо вздохнул. – Если мы их сейчас задержим, через пять минут у нас в УВД будет целая рота адвокатов, депутатов и всяких правозащитников, которые в пять минут докажут, что мы их задержали не законно, а за полученную от вас взятку. Вот какая хрень-то получается... И все трое будем сидеть на одной скамье подсудимых. Вы – за дачу взятки, мы – за получение. Срок отмотают по максимуму.

– Господи? Какая взятка?! Вы же с меня ничего не просили, а я вам ничего не предлагал... – Старик растерянно развел руками. – Как же нас могут обвинить в том, чего мы не делали?

Переглянувшись, пэпээсники невесело рассмеялись.

– Похоже, батя, ты еще в прошлом веке живешь... – констатировал сержант. – Важно ведь не то, что скажем мы, а то, что скажут «свидетели». А «свидетелей» найти, которые «видели», как вы нам передаете деньги – раз плюнуть. Доходит? Кто ворочает миллиардами, тот купит и свидетелей, и адвокатов, и... Ну, в общем, вы меня поняли. Мы просто не хотим вас обманывать. Мы сейчас могли бы взять с вас заявление, пообещать разобраться и тут же об этом забыть. Но мы не собираемся этого делать. Наоборот, хотим предостеречь: свяжетесь с этой мразью – хлебнете лиха по полной. Конечно, вы можете нажать на все рычаги – идти к первым лицам губернии, в газеты и так далее. Но последствия могут быть очень нехорошие.

– Убьют, что ли? Да плевать!.. – старик махнул рукой. – После такого унижения, которое я сейчас пережил, уже и жизнь не дорога...

– Убивать они не будут, – прапорщик безнадежно махнул рукой. – Зачем? Два наркомана напишут заявления в службу наркоконтроля, что регулярно покупали у вас наркотики. У вас дома делают обыск и находят пакет с героином. И остаток своих дней вы проводите в тюрьме. В общем, как знаете... Мы вас предупредили, а уж вы решайте сами. Только запомните: мы вам ничего не говорили.

– Ладно, ребята, спасибо и на том... – горемычно вздохнув, старик поплелся к своим «Жигулям».

Проведя ночь без сна, к утру старик все же решился. «Схожу в «Молодежный портал», – умываясь, размышлял он. – Люди там, думается, не робкого десятка. Вроде и про власть пишут так, что кое-кому наверху здорово икается, и всех этих криминалов-бандитов расписывают без боязни...»

Помещение редакции губернской молодежной газеты, судя по всему, доживающей последние дни, находилось в ветхом здании, где обычно снимали офисы фирмы-однодневки, поскольку стоимость аренды помещений была самой низкой в городе. Сидя в «кабинете» главного редактора, отделенного от всех прочих картонными перегородками, визитер рассказал о случившемся с ним минувшим вечером.

– ...Милицию-то я вызвал, – сообщил он, – но они приехали и сказали, что с этими выродками им не справиться. Мол, из шибко богатых. Ну, вот я решил узнать у вас: неужели на эту тварь нельзя найти хоть какой-то управы?

Грустно улыбнувшись, редактор устало провел ладонью по лицу и тяжело вздохнул.

– Вот видите, передо мной лежит готовый материал о том, как некая банда в Наковальском похитила девушку. Ее парня ударили по голове, и он через сутки скончался в больнице, не приходя в сознание. Она тоже умерла после зверского насилия и побоев. Их обоих уже похоронили. Не исключено даже, что это те самые, с которыми столкнулись и вы. Сегодня мне позвонили и сказали, что если мы дадим этот материал в газету, нам конец.

– Закроют, что ль? – недоуменно воззрился старик.

– Нет... Нас и так уже почти разорили. Подписку срывают, киоски газету в реализацию не берут. Почему? Их предупредили: будете продавать «Молодежный портал» – сгорите. Если нас выгонят из этого офиса, то нам уже идти некуда. А здание это принадлежит каким-то чрезвычайным богатым людям... Вам наша газета нравится?

– Очень! – охотно кивнул старик. – Всегда беру и читаю. У вас всегда все так интересно, так остро...

– Вот поэтому мы сейчас сидим и думаем, как нам дальше быть – или работать на читателя и завтра издохнуть, или работать на рекламодателя – писать о том, кто с кем переспал, чтобы хоть как-то выжить, – редактор выразительно развел руками.

Выйдя на выщербленное ветхое крыльцо, старик мысленно возопил: «Господи! Да пошли ж ты на всю эту мразь чуму или проказу! Ну как, как так можно жить?!» Почуввав колотье с левой стороны груди, он поспешил присесть на полуразломанную лавочку, торопливо доставая из кармана таблетки нитроглицерина...

Глава 3

«Молодежный портал» все же не стал «прогибаться» под всемогущих губернских чинуш и олигархов. Забежав к Романцовым и застав Федора во дворе, Вадим показал ему какую-то газету.

– Здорово, дядь Федь! Вот, посмотрите – вышла статья про Веру с Витьком. Жестко написано! И тут же, кстати, пишут про одного деда – его подрезали какие-то уроды на ино-марках, а потом унизили и избили. В общем, редактор считает, что в Меднореченске появилась банда мажоров, которые ради развлечения занимаются уголовщиной. А вот, смотрите – в конце редакция уведомляет своих читателей, что этот номер последний. В общем, кислород им перекрыли окончательно. Прихлопнули, уроды, газету...

Просмотрев статью, Федор, горестно вздохнув, вернул газету Вадиму.

– Ну, а с Интернетом у тебя что-нибудь получилось? – поинтересовался он.

– Да, я эту историю изложил там на одном из порталов, народ читает, уже много откликов. Послал все это дело и на самый верх. Правда... Не знаю, будет ли толк? Там «фильтры» стоят нехилые. Ну, вы представьте себе, сколько такого им ежедневно шлют со всей России! У нас же, куда ни кинь, творится одно и то же, сплошной беспредел.

– Слушай, Вадь, сегодня я снова был в угрозыске, – Федор нахмурился. – В общем, как я понял, ловить они никого не собираются. Один треп – да, да, ищем, ищем, обязательно поймем... Ты в компьютерах хорошо «рубишь»? Гм... Есть к тебе одна просьба...

* * *

Через несколько дней после выхода последнего номера «Молодежного портала» в областном УВД прошло совещание, где, наряду с прочими вопросами, обсуждалось и происшествие в Наковальском. По этой теме выступал один из замов начальника губернского милицейского ведомства. Убедительно изложив версию угона иномарок от базы отдыха «Ласточка» неизвестной шпаной, зам напрочь отверг утверждения о существовании банды мажоров.

– ...А что этим писакам еще оставалось делать? Их газету никто не брал, они обанкротились – вот и надеялись «перченым» материалом хоть как-то удержаться на плаву, – стоя на трибуне, вещал толстый полковник, перебирая тезисы своего доклада. – Вот и деда какого-то приплели... Мы все проверили. По этому поводу в милицию никто не обращался, заявления не писал. Я даже уверен в том, что это выдумка, высосанная ими из пальца. Ну, для обоснования своей версии о «банде мажоров».

– А что можете сказать о вчерашнем происшествии в Запрудинке? – оторвавшись от своих бумаг, поинтересовался областной прокурор. – Там, насколько мне известно, на «зебре» сбили беременную женщину. Причем очевидцы утверждают, что по городу с огромным превышением скорости мчались именно три иномарки, в частности «БМВ».

– А-а-а... – полковник, поморщившись, потер темя. – Видите ли, уважаемые коллеги, я эту информацию о Запрудинке изучил достаточно подробно. И вот что из нее явствует. Да, ДТП произошло на пешеходном переходе, последствия происшествия весьма тяжелые – погиб грудной ребенок, его мать лежит с множественными переломами. Виновника ДТП сейчас ищут по всей территории области. Но дело-то тут вот как обстоит. Уверенно никто не смог сказать, все ли эти три машины шли в одной «связке». Номера лихача, к сожалению, никто не запомнил. Знаете, я не удивляюсь, что после подобных статей любое ДТП теперь будут приписывать «банде мажоров». А что? Как стали показывать фильмы про НЛО, так все кинулись рассказывать про свои наблюдения за «тарелками». Вот и здесь – то же самое. Вчера в Медноречен-

ске за день было восемь ДТП, одно со смертельным исходом. В четырех случаях участниками происшествий были иномарки. Ну что, давайте их всех общим чоком запишем в «мажоры»...

Зал отреагировал на слова полковника заметным оживлением. Кое-кто даже хохотнул. Начальник УВД, согласившись с доводами своего зама, объявил вопрос закрытым, и совещание пошло своим чередом.

...Более кошмарного дня Лидия не знала в своей жизни. Утро началось прямо-таки замечательно. Недомагавший с вечера Артемка, которому сегодня исполнилось семь месяцев, проснулся совершенно здоровым. Он улыбался и агукал, цепляясь ручонками за подвешенные над колыбелью погремушки. Проводив мужа на работу и покончив с домашними делами, она решила прогуляться с сынишкой по городу, а заодно навестить мать, которая жила от них в двух кварталах.

Выходя со двора, она с недоумением услышала жалобный скулеж Шарика – беспородного барбоса, одновременно напоминающего и овчарку, и пуделя. Прыгая на цепи, тот отчаянно подтягивал, что обычно случалось с ним, если его забывали покормить.

– Ну, чего ты, остолоп, раскулился? – выкатывая со двора детскую коляску, Лидия укоризненно посмотрела на пса. – Тебя ж уже покормили! Вон, даже не доел, поросенок. И все ему мало – давай еще! Ладно, подожди уж, вернусь, еще добавлю.

Но Шарик, даже когда хозяйка скрылась за калиткой, продолжал жалобиться, в иные моменты даже подвывая. Лидия шла по тротуару вдоль типично деревенских палисадников, здороваясь с соседками, о чем-то судачащими у своих дворов. Она размышляла. Сегодня надо будет сказать мужу, что опять беременна. Уже на втором месяце. В принципе, он, наверное, противиться не станет. Правда, они решили, что второго «закажут» не раньше, чем когда Артемке будет хотя бы годика два. А тут – такой «форс-мажор»... Собственно говоря, об этом она и собиралась посоветоваться с матерью – не подождать ли еще месячишко с этой новостью?

Подойдя к перекрестку, где совсем недавно установили светофоры, что для большой деревни, какую являл из себя райцентр Запрудинка, было чем-то необычным, она остановилась, дожидаясь зеленого сигнала, чтобы продолжить дальнейший путь. Собственно говоря, идти ей можно было и на красный – все равно машин поблизости не наблюдалось. Но слева дорога вместе с домами взбиралась на возвышение, и Лидия опасалась, что может не заметить идущую с той стороны машину.

Она едва успела достичь середины дороги, как слева, агрессивно гудя моторами, на бешеной скорости с бугра сорвались три какие-то машины, которые стремительно приближались к ней. Ошеломленная этим зрелищем, Лидия замерла, с ужасом дожидаясь развязки. В последнюю секунду водитель черного «Лексуса» все же чуть притормозил, но это помочь уже не могло. Капот машины ударил точно между женщиной и детской коляской. Подброшенная в воздух, женщина покатила по асфальту к правой обочине дороги, тогда как коляска с мирно спавшим в ней ребенком закувыркалась в другую сторону...

Немедленно прибавив ходу, все три машины, как материализовавшиеся демоны зла, спешно исчезли в отдалении. Оказавшиеся рядом прохожие, жители соседних домов, бежали к месту происшествия. Хлопая дверцами, туда же поспешили оказавшиеся рядом автомобилисты. Узнав о том, что здесь случилось, несколько машин тут же ринулись в погоню за лихачами.

Причитая, женщины собрали вывалившиеся из коляски детский матрац, подушку, одеяльца, спешно подняли самого ребенка, байковая шапочка которого с левой стороны густо пропиталась кровью. Его сердце не билось, и он не дышал. Лидия тоже лежала не двигаясь, но, вроде бы, жизнь ее тело еще не покинула.

Прибывшие врачи «Скорой» подтвердили, что женщина жива. А вот ребенок, скорее всего, погиб еще в момент удара. «Скорая» уехала, а люди еще долго стояли на месте этой трагедии, которую вскоре прибывшие гаишники обозначили в своих бумагах сухим, казенным

словом «ДТП». Очевидцы происшествия, излагая стражам дорожного порядка картину наезда иномарки на женщину с детской коляской, яростно доказывали скептикам в погонах, что шла она именно на зеленый сигнал, а не какой-нибудь другой.

Вернувшиеся вскоре участники погони с матом накинулись на местных гаишников, костеря их вдоль и поперек. Случилось так, что они уже начали настигать подозрительные машины, очень похожие по описанию на те, что были замечены на месте происшествия. И тут... Из близлежащих кустов выскочил дэпээсник с радаром и взмахом жезла заставил всех четверых участников погони остановиться. Напрасно те доказывали, что они преследуют убийц, совершивших дорожно-транспортное происшествие – усатый капитан был неумолим. Сообщив по радиации приметы аварийщиков, всем участникам погони он выписал штрафные квитанции.

– ...Преследованием нарушителей должны заниматься те, кому это положено, – не терпящим возражения тоном сообщил он. – А вы, «народные мстители», сами сейчас могли кого-нибудь сбить.

Один из преследователей – худощавый пожилой мужчина, получив квитанцию, под самый нос капитану сунул две здоровенные дули.

– Вот тебе, а не штрафы! – гневно выпалил он. – Только через суд! А на суде всем городом докажем, что вы – рвачи, хапуги и бездельники. Почему вы не остановили этих уродов? Они ведь шли под полторы сотни в час минимум! Что, тогда бы вы не сделали свой план по штрафам? Гнать вас надо в три шеи, прихлебатели и шестерки! На простых водилах только и отыгрываетесь, а блатоту боитесь и покрываете. Тьфу!

Плюнув под ноги капитану, он пошел к своей «девятке».

– Но-но, полегче! – возмутился тот. – А то за оскорбление при исполнении можно и на пятнадцать суток попасть!

– Арестовывай! – парень послеармейского возраста протянул ему руки. – А еще лучше – постреляй из своего автомата. Может, орденку дадут? А этих троих – ты нам не «втирай»! – никто останавливать не будет. А случись, такие же твари собьют твоего ребенка, – когда будешь искать виноватых, не забудь подойти к зеркалу. Там ты увидишь главного виновника.

...Лидия пришла в себя только на вторые сутки. Она лежала неподвижно, поскольку малейшее движение причиняло нестерпимую боль. Скосив глаза, она увидела себя в незнакомом помещении, в котором пахло лекарствами. Рядом с кроватью сидела мать с лицом, обратившимся в маску скорби. Лидия ничего не помнила и не понимала, почему она находится здесь и что вообще произошло.

– Мам, а Артемка где? – с трудом чуть слышно спросила она.

Мать некоторое время молча смотрела куда-то в сторону, после чего, вздрогнув, закрыла лицо руками и заплакала, не говоря ни слова. Лидия еще не знала, что подонки убили не только ее маленького сына. Из-за тяжелой травмы таза, сопряженной с несколькими переломами, она лишилась и еще только появившейся в ее теле жизни без надежды хоть когда-нибудь снова родить.

* * *

На совещании президиума правительства области, проводившемся в узком кругу, губернатор хмуро и недовольно выслушивал доклад начальника областного УВД. Бравурные речи по поводу успехов на ниве борьбы с криминалом, подкрепленные цифрами и процентами, у него почему-то восторгов не вызывали. Да, действительно, по части разгона бабушек, несанкционированно торгующих семечками, план был перевыполнен в разы. Да и по штрафам, наложенным за распитие спиртного в общественных местах, показатели существенно превышали прошлогодние. Правда, несколько больше стало разбоев, хуже стало с ДТП, с уличной «мок-

рухой» – даже с учетом того, что большую часть убийств стараниями спецов по статистике из УВД перевели в разряд несчастных случаев... Но, невзирая на очевидные провалы в работе, главный областной мент оптимистично строил прогнозы на будущее, предрекая в ближайшее время если не полный крах уголовщины, то уж точно – ее значительное ослабление.

Наконец губернатор не выдержал:

– Тебя послушать, так у нас прямо вторая Швеция или Голландия. А на деле-то что? Ты в Интернет хоть когда-нибудь заглядываешь? Ты знаешь, какие сейчас камни летят в наш огород? Ты слышал о происшествии в Наковальском?

– Да, Александр Александрович, знаю об этом, – начальник облУВД усердно мотнул головой. – Мухлевич, мой зам, лично разбирался с этим вопросом. Этих отморожков, которые натворили там дел, ищем. Уже вышли на их след...

– После совещания зайдешь к моим помощникам, они дадут тебе кое-какие ссылки, по которым ты сможешь судить, что именно о нас с тобой думает население, а также о том, как работают твои подчиненные, – уже с нескрываемым раздражением перебил его губернатор. – Надо же – они вышли на след! А по Запрудинке что можешь сказать? Тут с Наковальским еще не расхлебались – и на тебе, еще одно резонансное ЧП. И опять, как утверждают блоггеры, это те же самые, как их называют, мажоры сбили женщину с ребенком, который погиб на месте. Ты знаешь, что запрудинцы, собравшиеся к месту того ДТП, едва не устроили самосуд над гаишниками? Почему? А потому, что людей, погнавшихся за отморожками, остановили дэпээсники и оштрафовали, хотя сами были обязаны догнать и задержать убийц. Что на это скажешь? У нас региональные выборы на носу. Ты что, хочешь, чтобы после них резко поменялся состав областной думы?

Разом взмокший начальник областного УВД пообещал срочно назначить специальную следственную группу по всем этим происшествиям.

Этим же днем он окунулся в скандально бесцеремонный мир Интернета, где некоторые участники различных форумов даже о первых лицах отзывались не то что без пиетета, а иной раз и вовсе нелитературно. А уж о нем самом и губернаторе... Наряду с относительно сдержанными, были и такие высказывания, от которых начальник облУВД готов был скрежетать зубами. Так, некто «Мюллер» писал:

«Не, пипл, что ни говори, а Наковальская сага – жесь стопудовая! Это ж надо, мля, середь бела дня и парня ухерачили, и его девчонку увезли на хор ставить! Два летальных исхода, а ментярня тупорылая и за ухом не чешет. Чем он ваще занимается, наш главный мент Чубареев, козел в генеральских погонах?! С этих гребаных мажоров бабло лушит за то, что в упор их никак не разглядит?..»

Откликаясь на мнение «Мюллера», загадочный «Полинезийский вегетарианец», категорично рубанул: «Народ! Рыба гниет с юта, а чистят ее с кормы – общее правило. Вы зацените фейс нашего «горячо любимого» тупернатора Эрастова – три класса и четвертый коридор, больше не дашь. За его «блестящее» руководство нашей «территорией тьмы» я бы его фамилию дополнил приставкой «пед». Чувак явно не дружит с головой, если у него под носом творится полный беспредел. Ща на соседнем форуме пиплы в полном отпаде от аналогичной жести – в Запрудинке мажоры даванули женщину с грудничком. Мальца наповал, мать в гипсе, менты разводят руками...»

Отключив компьютер, начальник УВД почувствовал, что если он прочтет еще хотя бы с десяток подобных мнений, то не выдержит и самолично разобьет эту чертову железную коробку, набитую электроникой. Он поднял телефонную трубку и вызвал к себе Мухлевича.

– Слушай, а ты точно уверен, что это не одни и те же беспредельничают? – нервно закури-вая, хмуро спросил он, когда тот вошел в кабинет. – Я вот сейчас читал в Интернете всякие там мнения. Есть, конечно, и запредельное хамство, за которое надо привлекать к суду. Кстати, дай задание подразделению «К», чтобы отследили оскорбительные высказывания в адрес област-

ного УВД и губернатора, вычислили этих умников и привлекли к ответственности. Но есть и кое-что серьезное. У нескольких блоггеров я нашел информацию по этим самым «мажорам». Если им верить, то у нас действительно завелась своего рода банда, которая, пользуясь попустительством, в том числе и нашим, творит черт знает что.

– Да мало ли чего там напишут! – Мухлевич пренебрежительно отмахнулся. – Там бреда и белиберды – девяносто девять процентов. А хамами займемся обязательно! Кстати, стоило бы заняться и теми, кто выкладывает в Интернет непроверенную, тенденциозно состряпанную информацию.

– Да... – согласился генерал. – Наверное, и этих бы тоже стоило приструнить. Но имей в виду – без перегибов! А то сегодня от губернатора мне и так много чего пришлось выслушать. Теперь по поводу происшествий в Наковальском и Запрудинке. Организуй группу из опытных оперов, пусть с этими делами разберутся досконально. Надо же, в конце концов, разобраться хотя бы самим – что происходит на самом деле? Надеюсь, хотя бы в ближайшие дни нас «резонансить» перестанет.

Его надежды не оправдались. Всего через несколько дней губернию потрясла весть об очередном громком происшествии. Случилось это летним вечером в отдаленном райцентре губернии Липинце. В одной из старейших школ города в честь ее столетнего юбилея – незадолго до Первой мировой войны местный купец, хлебосол и меценат, на свои деньги построил двухэтажную кирпичную гимназию – проводилась встреча выпускников разных лет. В старинный поселок Липинец, даже в соседних областях издавна славившийся своими гончарами, с разных концов России приехали десятки человек. Были тут даже те, кто прибыл из ближнего и дальнего зарубежья – Германии, Израиля, Франции, Америки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.